

Нил, несущий свои воды на страницах романа, пленил нас обоих. Мы провели много счастливых дней, путешествуя по этой реке и гуляя по ее берегам. Как и наша жизнь, книга моя рождена той Африкой, где мы с тобой были вместе.

Однако любовь моя к тебе, дорогая, глубже и сильнее Великой реки.

Река лежала посреди пустыни тяжелой и блестящей полосой расплавленного металла, вытекающей из горна. Небо было затянуто жаркой дымкой, и солнечные лучи опускались на землю как удары кузнечного молота. Высокие холмы по краям долины Нила, казалось, дрожали под этими ударами.

Наша ладья быстро скользила у островков папируса. Берег находился так близко, что слышался скрип «журавлей», подававших воду на поля. Их мелодичное поскрипывание гармонично сливалось с пением девушки на носу ладьи.

Лостре было четырнадцать. Последнее половодье Нила началось в тот самый день, когда ее первые месячные расцвели красным цветком и жрецы Хапи сочли это совпадение крайне знаменательным. Лостра — имя, выбранное для взрослой женщины и заменившее ее детское имя, — означало «дочь воды».

Память об этом дне жива во мне. С годами Лостра станет еще более красивой, еще более гордой и величественной, но никогда больше не будет сиять она тем ошеломляющим светом девственности, который излучала в тот день. Каждый мужчина на борту ладьи, даже воины на скамейках гребцов, ощущал это сияние. Ни я, ни кто-либо другой не могли отвести от нее глаз. Ее вид наполнял мое сердце чувством собственного убожества и глубокой острой тоской. Хоть я и евнух, но оскопили меня после того, как я познал радость женского тела.

— Таита, — позвала она меня, — пой со мной!

Я повиновался, и она заулыбалась от удовольствия. Мой голос был одной из причин, по которой она всегда, когда это было возможно, старалась держать меня поблизости: мой тенор великолепно, до совершенства дополнял ее нежное сопрано. Мы пели одну из старых крестьянских песен о любви. Она выучила ее в детстве и до сих пор любила.

Встречу я милого, раненой птицей
Сердце трепещет, к небу взлетая.
Он улыбнется — щеки зардеются,
Словно согретье утренным солнцем.

С кормы ладьи послышался другой голос и присоединился к нам. Это был голос мужчины, глубокий и сильный, хотя и не столь чистый и звонкий, как мой. Если мой голос можно было бы сравнить с песней дрозда на рассвете, то этот голос походил на рык молодого льва.

Лостра обернулась, и улыбка заиграла на ее лице, как лучи солнца на поверхности Нила. Мне пришлось проглотить жгучий комок зависти, когда я увидел эту улыбку, хотя предназначалась она моему другу. Я заставил себя с любовью улыбнуться Тану, так же как и Лостра.

Отец Тана, Пианки, вельможа Харраб, был одним из величайших и знатнейших людей Египта, но матерью его стала дочь вольноотпущенного раба из племени техену. Как и у многих из ее народа, у нее были светлые волосы и голубые глаза. Она умерла от болотной лихорадки, когда Тан был еще ребенком, и поэтому я плохо помню ее. Однако старые женщины говорят, что такая красота редко встречается в обоих царствах на берегах Нила.

Однако отца Тана я знал хорошо и задолго до того, как он потерял свое огромное состояние и обширные владения, которые одно время могли сравниться с владениями самого фараона. Это был смуглый человек с большими египетскими глазами цвета полированного обсидиана. Пианки можно было назвать скорее сильным, чем красивым, человеком, с сердцем щедрым и благородным. Некоторые даже считали, что у него было слишком щедрое и доверчивое сердце, поэтому он и умер в нищете, а сердце его раз-

били те самые люди, кого он считал своими друзьями. Он умер в забвении, вдали от ярких лучей благосклонности фараона.

Казалось, что Тан унаследовал все самые лучшие черты своих родителей, за исключением несметного богатства. По характеру и по силе своей он пошел в отца, по красоте — в мать. Так почему же любовь моей госпожи должна меня огорчать?

Я тоже любил его, а кроме того, я, бедное бесполое существо, никогда не мог бы обладать ею, даже если бы боги смогли поднять меня над моим теперешним положением раба. Однако такова ненормальность человеческой природы: я жаждал иметь то, что не мог иметь, и мечтал о невозможном.

Лостра сидела на подушке на носу ладьи, а у ее ног лежали ее рабыни — две маленькие черные девушки из Куша, гибкие, как пантеры, и совершенно нагие, если не считать золотых колец на шее. Сегодня Лостра надела только юбку из белого льна, белую и сверкающую, как крыло цапли. Обласканная солнцем, кожа ее напоминала смазанную маслом древесину кедра с гор Ливана. Груды, увенчанные гранатовыми остриями сосков, были размером со спелый инжир.

Она сняла парадный парик и заплела волосы в одну большую косу, которая толстой веревкой висела у нее на груди. Очертания раскосых глаз подчеркивали легкие мазки серебристо-зеленой малахитовой пудры, искусно нанесенной на веки. Глаза тоже были зеленые — того самого ярко-зеленого цвета нильской воды, когда половодье кончается и река снова возвращается в свое русло, оставив на берегах драгоценный ил. На золотой цепочке между ее грудей висела фигурка Хапи, богини Нила, сделанная из золота и драгоценного лазурита. Разумеется, фигурка была великолепна, так как я собственными руками создал ее.

Внезапно Тан поднял правую руку со сжатым кулаком. Гребцы как один перестали грести и подняли весла, концы которых заблестели на солнце. Затем Тан налег на правое весло, и одновременно гребцы по левому борту стали грести назад, глубоко опуская весла в воду и оставляя

цепочку маленьких водоворотов на зеленой воде реки. Гребцы по правому борту начали быстро грести вперед. Ладья повернулась так резко, что палуба угрожающе накренилась. Затем гребцы с обоих бортов налегли на весла, и ладья рванулась вперед. Острый нос, украшенный синими глазами Гора, раздвинул густые заросли папируса, и она выскользнула из стремнины реки и пошла по спокойным водам лагуны за зарослями тростника.

Лостра перестала петь и, прикрыв глаза от солнца, посмотрела вперед.

— Вон они! — закричала она и протянула вперед изящную маленькую ручку. Остальные ладьи флотилии Тана перегородили южный край лагуны, словно огромной сетью закрыв выход из залива в реку.

Разумеется, Тан выбрал себе место на северном фланге. Он знал, что охота там будет самая яростная. Я пожалел об этом. Не потому, что я трус, а потому, что мне нужно было позаботиться о безопасности моей госпожи. Она всеми правдами и неправдами старалась попасть на охоту на борту ладьи «Дыхание Гора» и, конечно, заставила меня помогать ей. Когда отец узнает, а узнает он непременно, о ее присутствии в самом горячем месте охоты на гиппопотамов, мне не поздоровится. Но если ему также доложат, что она оставалась с Таном целый день, даже мое привилегированное положение не сможет защитить меня от его гнева. Указания относительно этого молодого человека были однозначны.

Однако, судя по всему, волновало это только меня. На борту «Дыхания Гора» все были охвачены возбуждением. Тан властным жестом остановил гребцов, и ладья медленно заскользила по поверхности реки и тихо остановилась, покачиваясь. Зеленая вода была спокойна, и, когда я поглядел за борт, на меня уставилось мое собственное отражение. В который раз меня поразило, как хорошо сохранилась моя красота, несмотря на минувшие годы. Мне казалось, будто лицо мое было красивее ожерелья небесно-голубых лотосов, которое обрамляло его. Однако времени любоваться собственным отражением не было. На борту поднялась суета.

Один из ближайших помощников Тана поднял на мачте его личный вымпел. На нем красовалось изображение синего крокодила с большим застывшим хвостом и разинутой пастью. Только военачальник такого ранга, как лучший из десяти тысяч, имел право на собственный вымпел. Тан достиг столь высокого ранга и стал командиром отряда Синего Крокодила, личной, отборной охраны фараона, когда ему еще не исполнилось и двадцати лет.

Вымпел на верху мачты стал сигналом к началу охоты. Далеко, почти на горизонте, суда флотилии пришли в движение. Крошечные на расстоянии, блестящие на солнце весла стали ритмично бить по воде, поднимаясь и опускаясь, как крылья летящих гусей. За кормой судов оставались многочисленные ряды неподвижных волн, которые возникали па поверхности спокойных вод и долго не исчезали, будто вылепленные из плотной глины.

Тан опустил за корму гонг. Он представлял собой длинную бронзовую трубу. Ее конец находился под водой. Если ударить бронзовым молоточком по этой трубе, пронзительные вибрирующие звуки разнесутся по воде, заставляя нашу добычу замирать от страха. К несчастью, я знал, как легко этот страх переходит в смертельную злобу и ярость.

Тан рассмеялся, глядя на меня. Несмотря на возбуждение, почувствовал мое беспокойство. Для грубого солдата он был необычайно чутким человеком.

— Иди сюда, Таита. Поднимись на кормовой мостик! Ты будешь бить в гонг. Это отвлечет тебя от забот о твоей прекрасной шкуре.

Его легкомыслие оскорбило меня. Однако предложение подняться на мостик я принял с облегчением, так как тот находился высоко над водой.

Я выполнил его приказ не спеша, с достоинством. Проходя мимо Тана, задержался на мгновение и упрекнул его:

— Позаботься хоть немного о безопасности моей госпожи. Слышишь, парень? Не толкай ее на безрассудство, она такая же сумасшедшая, как и ты. — Я мог говорить так со знаменитым начальником десяти тысяч, потому что он был моим учеником и не раз моя трость гуляла по его во-

инственным ягодицам. И теперь он усмехнулся в ответ, как и тогда, с таким же вызывающим и дерзким выражением лица.

— Предоставь даму мне, умоляю тебя, дружище. Поверь, ничто не доставит мне большего удовольствия.

Я не стал упрекать его за подобные слова и невежливый тон, потому что спешил на свое место на корме. Оттуда я видел, как он поднял свой лук.

Его лук был известен во всей войске, и не только в войске, но и на всем протяжении реки от моря до порогов. Я сам сделал для него этот лук, когда ему перестали нравиться те маленькие луки и стрелы, с которыми ему приходилось иметь дело. Я предложил тогда сделать лук не из тонких деревьев, растущих по берегам реки, а из какого-либо другого материала, хотя бы из такого редкого, как сердцевина оливы, растущей на земле хеттов, или черного дерева, растущего в Куше, или таких необычных материалов, как рог носорога или бивень слона.

Однако первая попытка поставила перед нами множество проблем. Главной из них оказалась хрупкость всех этих экзотических материалов. В первозданном состоянии слоновая кость трескалась при сгибании, и только из самого большого и дорогого бивня мог получиться лук. Я решил эту проблему, расщепив бивень меньшего размера на длинные полосы и склеив из них прут достаточной длины и толщины, чтобы сделать большой лук. К сожалению, он оказался слишком тугим — никто не мог его натянуть.

Следующим естественным шагом было склеить в одном пруте все четыре названных материала: дерево оливы, черное дерево, рог носорога и слоновую кость. На пробы различных сочетаний этих материалов и различных типов клея ушли многие месяцы. И все же нам так и не удалось приготовить достаточно хороший клей. В конце концов я решил и эту проблему, надумав обмотать прут тонкой проволокой из сплава золота и серебра, чтобы отдельные полосы различного материала не расходились. Я приказал двум крепким мужчинам помочь Тану, и только совместными усилиями они смогли согнуть и обмотать прут

лука, пока клей еще был горячий. Клей остыл, и мы получили почти совершенное сочетание силы и упругости.

Затем я разрезал на полосы кишку огромного черногривого льва, которого Тан убил боевым копьем с бронзовым наконечником во время охоты в пустыне, продубил эти полосы и скрутил из них тетиву. В результате у меня получился сверкающий лук такой мощи, что только один человек из всех, кто пробовал его натянуть, смог сделать это.

Обычно в войске учат стрелять так: воин встает лицом к мишени и натягивает лук, пока стрела с тетивой не упрется в середину груди; лучник держит ее, целясь, и выпускает стрелу по команде. Однако даже у Тана не хватало силы удерживать стрелу у груди. Ему пришлось разработать совершенно новый стиль стрельбы: встав боком к мишени и глядя на нее через левое плечо, он резко вскидывал левую руку и одним движением правой натягивал тетиву со стрелой, пока оперение не касалось его губ. Мышцы груди и рук гордо вздувались. В тот самый момент, когда лук был натянут полностью, он выпускал стрелу, казалось, почти не целясь.

Сначала стрелы летели наобум, как дикие пчелы из улья, но он тренировался изо дня в день, из месяца в месяц. Стер пальцы правой руки в кровь о тетиву лука, но потом они зажили и загрубели. Внутренняя часть левого предплечья покрылась синяками и ссадинами там, где тетива билась о руку. Чтобы защитить ее, я сделал кожаный щиток, а Тан непрестанно тренировался стрелять из этого лука по мишеням.

Даже я успел разувериться в способности стрелка овладеть таким оружием, но Тан не сдавался. Медленно, мучительно медленно он все-таки овладел оружием и даже научился выпускать подряд три стрелы быстрее, чем первая долетит до цели. И по крайней мере две из трех попадали в мишень — медный диск размером с голову человека, стоящий в пятидесяти шагах от Тана, — а летели они с такой силой, что легко пробивали диск толщиной с мой мизинец.

Тан назвал свое мощное оружие Ланатой, и имя это не случайно совпало с детским именем моей госпожи. Теперь

он стоял на носу корабля с самой женщиной и держал ее теску в руке. Парочка получалась чудесная, но вели они себя слишком открыто, и я не мог не беспокоиться.

— Госпожа, немедленно идите сюда, на корму! — резко позвал я. — Там находится небезопасно.

Она даже не обернулась в мою сторону и только молча показала мне кукиш. Вся команда видела это, и самые смелые заржали. Наверное, черная служанка научила Лостру этому жесту, который больше подходит «дамам» из портовых таверн, чем дочери дома Интефа. Я собирался было упрекнуть ее, но тут же оставил мысль об этом — госпожа моя воспринимает укоры только в определенном настроении. Вместо этого я начал достаточно энергично бить в бронзовый гонг, скрывая огорчение и тревогу.

Пронзительный вибрирующий звук разнесся над зеркальными водами лагуны, и в то же мгновение воздух наполнил шелест крыльев. Тень закрыла солнце, когда с островов папируса, небольших озер и открытой воды между зарослями тростника в воздух поднялась туча водоплавающих птиц самых различных пород: черно-белые ибисы с хищными клювами, священные птицы долины реки; стаи издающих гортанные звуки гусей в живописном плюмаже, каждый с рубиновой капелькой в середине шеи; зеленовато-голубые или черно-белые цапли с мечеобразными клювами и огромными крыльями; уток было столько, что рябило в глазах.

Охота на диких птиц — одно из страстных увлечений египетской знати, но сегодня мы охотились на другую дичь. В тот же момент я заметил далеко впереди волнение на зеркальной поверхности воды. Оно было сильным, и сердце мое тревожно забилося: я знал, какой ужасный зверь движется под водой. Тан тоже заметил его, но реакция была противоположной. Он издал вопль гончей, почувшавшей след, и команда заорала вместе с ним, налегая на весла. Ладья «Дыхание Гора» понеслась вперед, подобно одной из птиц, которые закрыли солнце над нашими головами, а госпожа моя завизжала от возбуждения и ударила кулачком по мускулистому плечу Тана.

Впереди снова появилась мутная волна, и Тан дал сигнал рулевому следовать за ней. Я продолжал колотить в гонг, чтобы укрепить свой дух и поддержать в себе храбрость. Когда мы достигли места, где видели движение под водой в последний раз, корабль медленно заскользил по воде и остановился. Все люди на борту стали внимательно глядеть в воду вокруг ладьи.

Так уж случилось, что я один посмотрел под корму. Здесь было мелко, и вода была почти прозрачной, как воздух. Я издал пронзительный звук почти так же громко и резко, как и моя госпожа, и отскочил от поручней, потому что чудовище находилось прямо под нами.

Гиппопотам — ближайший друг Хапи, богини Нила. Мы могли охотиться на него только с ее позволения. Ради этого Тан молился и приносил жертвы в храме в то утро, а моя госпожа стояла рядом с ним. Правда, Хапи — ее покровительница, но я сомневаюсь, что она стала бы с таким желанием участвовать в церемонии только по этой причине.

Животное, которое я увидел под нами, оказалось огромным старым самцом. Мне почудилось, что величиной он был с нашу ладью. Гигантское тело грузно перемещалось по дну лагуны. Вода замедляла его движения, и он выглядел чудовищем из кошмарного сна. Копыта его поднимали ил со дна, похожий на облачка пыли от копыт диких антилоп, несущихся по пустыне.

С помощью рулевого весла Тан развернул ладью, и мы помчались за ним. Хотя его галоп казался медленным и церемонным, гиппопотам быстро удалялся от нас. Темный силуэт исчез в зеленых глубинах лагуны впереди.

— Навались! Вонючее дыхание Сета на ваши головы! Навались! — зарычал Тан на своих людей, но стоило только одному из его подчиненных тряхнуть узловатым кнуром, как он нахмурился и покачал головой. Я ни разу не видел, чтобы Тан пустил в ход кнут без особой необходимости.

Внезапно животное выскочило на поверхность и выпустило из легких облако зловонного пара. Вонь окутала

нас, хотя мы находились на расстоянии более полета стрелы. На какое-то мгновение спина гиппопотама образовала блестящий гранитный остров посреди лагуны, затем он быстро вдохнул и опять исчез под водой.

— За ним! — зарычал Тан.

— Вот он! — закричал я и, повернувшись, показал за борт. — Он возвращается!

— Отлично, дружище, — со смехом похвалил меня Тан. — Из тебя еще можно сделать воина.

Предложение было смехотворным, потому что я писец, мудрец и художник. Мой героизм — героизм ума. Однако похвала Тана наполнила меня радостью. На мгновение мои страхи растворились в азарте погони.

К югу от нас остальные ладьи тоже присоединились к охоте. Жрецы Хапи вели строгий учет количества животных в лагуне и разрешили убить пятьдесят гиппопотамов для приближающегося праздника Осириса.

После этого в лагуне останется стадо в триста голов священных животных. Именно такое количество жрецы считали идеальным для того, чтобы водные пути к храму не зарастали, заросли папируса не наступали на орошаемые поля, а храм, в свою очередь, получал необходимое количество мяса. Жрецы храма имели право есть мясо гиппопотама круглый год, а не только в течение десяти дней праздника Осириса.

Тем временем охота распространилась по водам лагуны. словно в изящном танце, суда флотилии вертелись и делали пируэты, преследуя перепуганных животных, которые ныряли, выпускали воздух и хрипели, выныривали снова за воздухом, скрывались под водой. Каждое следующее погружение становилось короче предыдущего, а водовороты на поверхности воды появлялись все чаще и чаще, поскольку легкие не успевали наполниться до того, как преследующая ладья заставляла нырнуть. Бронзовые гонги на кормовых мостиках непрерывно звенели, и звон смешивался с возбужденными криками гребцов и командами кормчих. В этом диком шуме я тоже начал кричать и подбадривать гребцов вместе с самыми кровожадными охотниками.

Тан гнался за самым первым и самым большим животным. Он не обращал внимания на самок и молодняк, которые появлялись на расстоянии полета стрелы, и преследовал огромного самца, несмотря на все его хитрости и резкие повороты. Постепенно ладья настигала гиппопотама. Даже в азарте охоты я не мог не восхититься той ловкостью, с какой Тан управлял «Дыханием Гора», а остальные подчинялись его командам-сигналам. Ему всегда удавалось без кнута добиваться наилучших результатов от своих подчиненных. А что еще помогло бы так стремительно подняться до столь высокого звания, не имея состояния, без поддержки богатого покровителя? Он добился всего только благодаря собственным заслугам, несмотря на козни тайных врагов, создававших препятствия на его пути.

Внезапно гиппопотам вынырнул в тридцати шагах от носа корабля. Огромная черная спина заблестела на солнце, и тучи пара вырвались из ноздрей, словно это было существо подземного мира, пожирающее тех, на кого обращается гнев богов.

Тан натянул тетиву, вскинул лук и почти мгновенно пустил стрелу. Ланата пропела свою звонкую смертоносную песню, и стрела обманчивой искрой исчезла с глаз. Еще не затих свист первой, а за ней одна за другой последовали еще две.

Тетива пела, как лютня, и стрелы впивались в гиппопотама, погружаясь в его тело на всю длину. Он заревел и скрылся под водой.

Эти стрелы я специально приготовил для такой охоты. Вместо оперения на древках были маленькие поплавки из древесины баобаба, какие рыбаки ставят на сети для того, чтобы держать их на плаву. Поплавки удерживались на стрелах во время полета и срывались с древка, как только животное начинало тащить их в толще воды. Тонкая льняная нить прикреплялась к бронзовым наконечникам. Намотанная на древко, она освобождалась, как только поплавок отделялся. Теперь, когда гиппопотам помчался от нас под водой, три маленьких поплавок выскочили на поверхность и запрыгали за ним следом. Я покрасил их в бро-

сающийся в глаза ярко-желтый цвет. Мы видели, где находится гиппопотам, даже если он уходил в глубину лагуны.

Теперь Тан контролировал каждое движение мечущегося гиппопотама и мог либо загородить ему дорогу ладьей, либо всадить в него еще несколько стрел, как только блестящая спина показывалась на поверхности. Скоро гиппопотам тащил за собой целую гирлянду красивых желтых пробок, а в воде за его спиной растекалось кровавое пятно. Даже в горячке погони я не мог не пожалеть раненое животное. Всякий раз, когда оно выскакивало на поверхность, град свистящих смертоносных стрел обрушивался на него. Молодая госпожа не разделяла моих чувств. Она была возбуждена до предела и верещала от захватывающего ужаса и восторга погони.

Гиппопотам снова появился впереди ладьи. В этот раз он повернулся мордой к «Дыханию Гора» и бросился прямо на нас. Пасть его распахнулась, и горло открылось, словно туннель ярко-красной плоти, который без труда поглотил бы человека целиком. По бокам челюстей торчали такие страшные зубы, что у меня перехватило дыхание и по коже побежали мурашки. Из нижней челюсти торчали огромные серпообразные клыки, которыми зверь расправлялся с тугими стволами папируса, а в верхней — белели мощные прямоугольные зубы, каждый размером с мой кулак, способные прокусить корпус «Дыхания Гора», как пшеничную лепешку. Недавно мне представилась возможность осмотреть труп крестьянки. Она потревожила самку гиппопотама с новорожденным детенышем, когда резала папирус на берегу реки. Женщину рассекло пополам так чисто, как будто ее ударили острейшим бронзовым клинком.

И вот теперь рассвирепевшее чудовище, разинув пасть с торчащими клыками, надвигалось прямо на нас. Хотя я стоял высоко на кормовом мостике, но онемел от ужаса и не мог ни двинуться с места, ни произнести слово. Я застыл, как храмовая статуя.

Тан пустил стрелу прямо в разинутую пасть. Но агония животного была столь ужасна, что оно, казалось, не по-

чувствовало боли от новой раны, хотя та, возможно, и оказалась смертельной. Гиппопотам несся на «Дыхание Гора». Он издал страшный рев злобы и смертельной боли, где-то в глубине изуродованного горла лопнула артерия, и теперь стутки крови разлетались из его открытой пасти. В ярких лучах солнца кровь падала в воду и превращалась в облачка красного тумана, одновременно красивого и ужасного. Затем гиппопотам врезался в корму.

Ладя «Дыхание Гора» рассекала воду со скоростью бегущей газели, а разъяренный гиппопотам мчался еще стремительнее. Туша его была столь велика, что в момент столкновения показалось, будто мы налетели на скалу. Гребцы попадали со скамеек, а меня с такой силой бросило вперед, на поручни мостика, что выбило воздух из легких и грудь охватила тяжелая, как скала, боль.

И все же, несмотря на страдания, я тревожился только о моей госпоже. Сквозь слезы я видел, как ее от толчка швырнуло вперед. Тан протянул было руки, чтобы спасти ее, но тоже потерял равновесие, и лук помешал. Ему удалось лишь на мгновение задержать ее. Потом она наткнулась на поручни и, изогнувшись над водой, отчаянно замахала руками в воздухе.

— Тан! — закричала она и протянула к нему руку.

С ловкостью акробата он удержался на ногах и попытался поймать ее. На какое-то мгновение их пальцы соприкоснулись, а потом ее руку будто вырвало из его ладони, и она упала за борт.

С высоты мостика я видел, как она падала. Перевернулась в воздухе, как кошка, и белая юбка поднялась вверх, обнажив длинные изящные бедра. Мне почудилось, будто падение продолжалось вечно, и мой крик боли слился с ее отчаянным воплем.

— Девочка моя! — закричал я. — Маленькая моя!

Я был уверен, что потерял Лостру. Вся ее жизнь пронеслась перед моими глазами: я снова увидел младенца, едва научившегося ходить; услышал ласковые ребячьи прозвища, которыми она награждала меня, свою любящую няньку. Увидел, как она росла и превратилась в женщину,

и вспомнил каждую нашу радость и каждое огорчение. В тот момент я любил ее больше, чем когда бы то ни было за все предшествующие четырнадцать лет.

Она упала на широкую, забрызганную кровью спину разъяренного гиппопотама и на какое-то мгновение застыла на ней, словно жертва на алтаре какого-то чудовищного бога. Гиппопотам поднялся высоко над водой и повернул свою огромную бесформенную голову назад, пытаясь дотянуться до нее. Его налитые кровью пороссячьи глазки горели безумной яростью, а огромные челюсти шелкали рядом с ней.

Каким-то чудом Лостра сумела удержаться на его спине и вцепилась в пару стрел, торчавших, как ручки. Она лежала, широко раскинув руки и ноги, и больше не кричала — все силы и вся ловкость понадобились ей, чтобы выжить. Огромные клыки со звоном шелкали в воздухе, как мечи сражающихся, когда гиппопотам пытался схватить ее, и всякий раз мне казалось, будто челюсти не дотягивались на какой-то палец до плоти. Каждое мгновение я ждал, что ее милые руки и ноги будут отхвачены, как побеги виноградной лозы, а молодая алая кровь смешается с багровой кровью гиппопотама.

Тан быстро пришел в себя. Я успел заметить его лицо. Оно было ужасно. Он отбросил в сторону уже бесполезный лук и выхватил меч из ножен, сделанных из крокодиловой кожи. Блестящий бронзовый клинок был так остр, что им можно сбривать волосы на руке.

Он вскочил на борт и замер, наблюдая за бешеными прыжками смертельно раненного зверя. Потом ринулся вперед и упал, как атакующий сокол, сжимая в руках направленный вниз меч.

Тан упал прямо на толстую шею гиппопотама, оседлав его, будто собирался въехать на нем в подземное царство. Весь вес своего тела и всю энергию прыжка он вложил в один удар меча. Клинок наполовину вошел в шею чудовища у основания черепа, и Тан, сидя, как наездник, начал ворочать им, стараясь вогнать поглубже. Гиппопотам обезумел. Новая вспышка ярости превзошла все, что было до этого. Он встал на дыбы и почти полностью высунулся

из воды, мотал головой из стороны в сторону, поднимая столбы брызг, которые обрушивались на палубу и то и дело, как занавес, скрывали происходящее от моего объятых ужасом взора.

Все это время пару на спине раненого чудовища немилосердно швыряло из стороны в сторону. Сломалась одна из стрел, за которую держалась Лостра, и ее чуть было не сбросило в воду. Если бы она упала, клыки гиппопотама мгновенно превратили бы ее в окровавленные лохмотья. Тан протянул руку и помог удержаться, не переставая другой загонять меч все глубже и глубже в шею чудовища.

Гиппопотам не мог дотянуться до них и начал наносить раны в собственные бока. Вода стала кроваво-красной на пятьдесят шагов вокруг. Лостра и Тан с ног до головы были забрызганы темной кровью гиппопотама. Их лица превратились в чудовищные маски, на которых сверкали белые зрачки.

Бьющийся в смертельной схватке зверь удалялся от ладьи. Я опомнился первым и заорал гребцам:

— За ними, вперед! Не упустите их!

Гребцы бросились на свои места, и ладья рванулась в погоню.

В тот самый момент меч Тана вошел между позвонками животного. Огромная туша замерла и словно окоченела. Гиппопотам перевернулся на спину и вытянул все четыре ноги. Не сгибая их, погрузился в воду и унес в глубину лагуны Лостру и Тана.

Я сдержал вопль отчаяния, застрявший у меня в горле, и заорал:

— Табань! Не раздавите их! Пловцы, на нос!

Меня самого испугало, какая сила и власть прозвучали в моем голосе. Ладья остановилась. И прежде, чем я успел подумать о благопристойности своего поступка, я увидел себя во главе толпы встревоженных воинов, прибежавших на нос. Они порадовались бы смерти любого из своих начальников, но только не Тана.

Я уже сбросил юбку и был абсолютно голым, хотя в других обстоятельствах даже угроза получить сотню ударов кнутом не заставила бы меня сделать это. Я позволял

смотреть на следы ран, нанесенных мне палачом много лет назад, только одному человеку — тому самому, между прочим, который приказал кастрировать меня. Но теперь, единственный раз в жизни, я забыл о своем отвратительном увечье.

Пловец я хороший и все же, вспоминая те мгновения, не могу не ужаснуться глупости своего поступка: я искренне верю, что прыгнул бы за борт в красную от крови воду ради спасения моей госпожи. Однако, как только я собрался прыгнуть за борт, вода подо мной разошлась и из нее, словно совокупающиеся выдры, появились две головы. Одна была черноволосой, другая — светлой. И тут я услышал нечто совершенно невероятное: они смеялись. Они пронзительно кричали, выли, захлебывались от смеха, барахтаясь у борта и вцепившись друг в друга так, что вполне могли бы утопить друг друга.

Вся моя тревога мгновенно сменилась негодованием. Ведь благодаря своему легкомыслию я чуть было не совершил такой грех! Как матери инстинктивно хочется выпороть потерявшегося ребенка, когда она находит его, так и я вдруг услышал, что мой голос потерял властность и стал визгливым и бранчливым. Со всем свойственным мне красноречием я уже укорял госпожу и Тана, пока десятки добровольных помощников вытаскивали их на палубу.

— Безрассудная, необузданная дикарка, — бушевал я, — бездумная, эгоистичная, непослушная девчонка! Ты же обещала мне! Ты поклялась девственностью богини...

Лостра подбежала ко мне и повисла у меня на шее.

— О Таита! — закричала она, все еще захлебываясь от смеха. — Ты видел его? Ты видел, как Тан бросился спасать меня? Видел ты когда-нибудь более благородный поступок? Он похож на героя твоих лучших сказок!

То, что я сам собирался совершить такой же героический поступок, прошло мимо ее внимания. Это только усилило мое раздражение. К тому же я вдруг осознал, что Лостра потеряла юбку и ее холодное, мокрое тело, прижавшееся ко мне, совершенно голое. Она продемонстрировала грубым взорам воинов и их начальников самую упругую пару ягодич в Египте.

Я схватил ближайший щит и закрыл им наши тела, одновременно приказав рабьям раздобыть юбку. Смешки рабынь только усилили мою ярость. И когда Лостра и я подobaющим образом прикрыли свои тела, я обрушился на Тана:

— А ты, беззаботный негодяй! Я доложу о твоём поступке моему хозяину Интефу! Он прикажет спустить с тебя шкуру.

— Ничего подобного ты не сделаешь, — засмеялся в ответ Тан и, обхватив мокрой мускулистой рукой мои плечи, сжал меня так сильно, что ноги мои оторвались от палубы. — Потому что он с неменьшей радостью прикажет выпороть тебя. Однако я благодарен тебе за заботу, старый друг.

Он быстро огляделся, не снимая руки с моих плеч, и нахмурился. Ладя «Дыхание Гора» стояла в стороне от остальных кораблей флотилии. Охота уже закончилась. Каждое судно, за исключением нашего, получило свою долю добычи, разрешенной жрецами.

Тан покачал головой.

— Мы, по-моему, не слишком хорошо поохотились, правда? — пробурчал он и приказал одному из своих подчиненных поднять сигнал сбора флотилии. Потом натянуто улыбнулся. — Давайте разопьем кувшин с пивом. Теперь нам придется подождать, а денек был жарким.

Он пошел на нос, где рабыни хлопотали вокруг Лостры. Сначала я был еще так зол, что решил не участвовать в их импровизированной пирушке. Вместо этого я с достоинством поглядывал на них с высоты кормового мостика.

— Ах, пусть немного подуется, — театральным шепотом сказала Лостра Тану, снова наполняя его чашу пенящимся пивом. — Милый старик сильно перепугался, но он оправится от страха, как только проголодается. Он так любит покушать.

Моя госпожа была воплощением несправедливости. Я никогда не дуоюсь. Я не обжора, а в то время мне только что исполнилось тридцать лет. Хотя, конечно, для четырнадцатилетней девушки каждый, кто старше двадцати, кажется стариком. И должен признаться, во всем, что каса-

ется еды, у меня утонченный вкус знатока. А жареный дикий гусь с инжиром, которого она поставила на самое видное место, как нарочно, был одним из моих любимых блюд, и Лостра очень хорошо знала об этом.

Я заставил их еще немного помучиться. Только когда Тан сам принес мне чашу пива и стал со свойственной ему обходительностью уговаривать меня, я счел возможным присоединиться к ним и позволил ему отвести меня на нос ладьи. И все же я вел себя немного напыщенно до тех пор, пока Лостра не поцеловала меня в щеку и не сказала:

— Мои девочки говорят, что ты взял командование кораблем на себя, как настоящий ветеран, и уже собирался броситься в воду спасать меня. Ах, Таита, что бы я делала без тебя! — Она произнесла свою похвалу достаточно громко, чтобы все услышали.

Только после этого я улыбнулся ей и принял ломтик жареного гуся, который она настойчиво мне предлагала. Гусь был великолепен, и пиво тоже было превосходное. И все же я ел мало: нужно следить за своей фигурой, да и шутка по поводу аппетита слегка задела меня.

Во время охоты корабли флотилии Тана разбросало по всей лагуне, и теперь они стали перестраиваться. Я увидел, что некоторые ладьи пострадали так же, как и мы. Две из них столкнулись в горячке охоты, а четыре подверглись нападению раненых животных. Тем не менее они быстро заняли места в боевом строю. Затем ладьи пронеслись мимо нас с весело развевающимися вымпелами на мачтах по количеству убитых ими животных. Поравнявшись с «Дыханием Гора», команды выкрикивали приветствия, а Тан отвечал им, подняв сжатый кулак, и его вымпел с изображением синего крокодила приспускали на мачте, как будто наша флотилия только что одержала великую победу над превосходящими силами противника. Пожалуй, это ребячество, но я могу, как мальчишка, наслаждаться военным церемониалом.

Как только парад закончился, ладьи флотилии заняли места в боевом порядке и удерживали его умелыми действиями гребцов, несмотря на легкий ветерок. Убитых гиппопотамов, конечно, не было видно. Хотя охотники на